

**Литературно-художественные
альманахи издательства
"Шиповник".**

Книга 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Л64

Л64 Литературно-художественные альманахи издательства "Шиповник": Книга
2 / – М.: Книга по Требованию, 2021. – 288 с.

ISBN 978-5-517-96427-4

С иллюстрациями

ISBN 978-5-517-96427-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

КНИГА ВТОРАЯ

СОДЕРЖАНІЕ:

I

В. МУЙЖЕЛЬ. пока.

А. КОЙРАНСКІЙ. холодъ...

ИВ. БУНИНЪ. у истока дней.

Б. ЗАЙЦЕВЪ. май...

II

СТИХИ.

ИВ. БУНИНЪ.

С. ГОРОДЕЦКІЙ.

АЛ. БЛОКЪ.

III

АЛЕКСАНДРЪ БЕНУА. СМЕРТЬ. — 6 рис.]

IV

СЕНТЬ-ЖОРЖЪ ДЕ БУЭЛЬЕ. КОРОЛЬ БЕЗЪ ВЪНЦА.

Газказы

В. МУЙЖЕЛЬ

ПОКА

I.

Въ баню ходили обыкновенно по субботамъ, но такъ какъ въ это воскресенье была престоль и праздничная въ селѣ, и въ субботу бани были заняты, то рабочіе раздѣлились на двѣ артели: на четвергъ и пятницу, причемъ въ четвергъ—рѣшено было—пойдутъ землекопы и канавщики, а въ пятницу каменьщики и тачечники.

Канавщики побывали въ банѣ и возвращались красные, распаренные и довольные, потому что, смывая грязь и потъ, накопившіеся за недѣлю, смыли и недѣльную усталость, распарили горячими вѣниками истомленные мускулы,— а отъ чистыхъ рубахъ, расчесанныхъ бородъ и блестящихъ крѣпкой кожей розовыхъ лицъ — они казались праздничными.

Вышли изъ бани еще засвѣтло, а когда поднялись на изволокъ, подъ которымъ осталось село—свечерѣло, и земля стала молчаливой и неподвижной, какъ спящій человекъ, а небо ушло въ высь, и въ немъ тихо пылалъ послѣдній отблескъ ушедшаго солнца.

Лѣсъ впереди, внизу подъ изволокомъ, потемнѣлъ и насутился, подернулся синеватой дымкой и смолкъ, и о томъ, что по нему далеко протянулось болото, въ которомъ возводили желѣзнодорожную насыпь, можно было догадаться только по тому, что въ широкой просѣлкѣ между деревьями запутался и застрялъ плотный туманъ, которымъ курилось болото.

Ему надо было подняться отъ воды, а мѣшали деревья, плотныя лапы сосенъ—и, какъ старый, ворчливый звѣрь,

онъ неуклюже шевелился между зыбкими кочками, цѣпляясь и припадая къ нимъ, оставляя на нихъ рваные клоки своей сѣдой шерсти.

Здѣсь, на пригоркѣ, воздухъ былъ сухой и теплый, и радостно было дышать имъ, потому что въ немъ жило еще запахомъ нагрѣтой травы недавно ушедшее солнце, а тамъ, внизу—чувствовалось—стояла зябкая сырость, гнилая и пахучая, какъ стоячая вода болота.

Рабочихъ было трое, шли они не торопясь, потому что торопиться было некуда и—привыкшимъ стоять цѣлыми днями по колѣно въ водѣ, копая сточную канаву—имъ было приятно идти чистымъ и вымытымъ по твердой убитой тропинкѣ.

Наверху всѣ задержались, потому что у Ивана Павлова размоталась оборинка, и, присѣвъ на бугорокъ, онъ сталъ подвязывать ее.

— Эва, песь, оборвалась,—бормоталъ Иванъ Павловъ, разматывая портянки,—думаль—дойду, анъ нѣтъ, стой—говорить!..

Онъ бормоталъ и подвязывалъ, а остальные двое, Василий Липатовъ и Мишка, ждали. Липатовъ сталъ закуривать, закурилъ и поглядѣлъ впередъ.

Упругой и сильной линіей, чуть изогнутой на закругленіи, выбѣгала изъ лѣса на болотную полянку насыпь, рѣзала окутанную туманомъ воду на двѣ неравныя части и убѣгала опять въ лѣсъ, въ темную гущеру его. И отъ того, что съ утра до ночи на ней и около нея, въ болотѣ, копошился народъ, сновали тачки, медленно ползли подводы съ пескомъ и камнями, длинной цѣпью стояли по краямъ сточныхъ канавъ землекопы, звѣли молотки каменьщиковъ, и какъ пчелиный рой гудѣлъ непрерывный говоръ—странно было видѣть насыпь безмолвной и неподвижной, брошенной и мертвой среди бѣлыхъ облаковъ тумана.

Сильно правѣе, тамъ, гдѣ мѣсто было посуше, сквозь деревья и путавшіяся въ нихъ туманъ, мелькали два—три костра и шевелилось что-то. Тамъ были бараки, и теперь копошились рабочіе, готовился ужинъ. Костры мерцающими огоньками отражались въ водѣ болота и дрожали въ ней, а въ мѣстахъ почище, гдѣ не было большихъ деревьевъ, чуть видимые сквозь туманъ, свѣтились въ тусклой неподвижной водѣ звѣзды, тѣ же звѣзды, что смѣло и сильно вздрагивали и горѣли въ хрустальной вышинѣ неба.

Липатовъ докурить, бросить цыгарку и сплунуть.

— Долго будешь ты тамъ возиться, итти пора,—говорилъ онъ,—наши поди спать полегли...

Наши—это были ушедшіе раньше рабочіе, которые были вмѣстѣ въ банѣ

— А сичасъ, сичасъ... Эва—готово, теперь ладно будетъ! Во какъ хорошо! отвѣтилъ Иванъ Павловъ, увязывая концы оборинокъ; потомъ поднялся, постукалъ ногой объ землю, чтобъ убѣдиться—крѣпко ли, и усмѣхнулся.

Онъ былъ мужикъ добродушный, часто ухмылялся и говорилъ такъ, что нельзя было разобрать, когда онъ говорить серьезно и когда шутить. А отъ того, что на правомъ глазу его было бѣльмо, и смотрѣлъ онъ всегда искоса, слѣва, склонивъ голову на бокъ, какъ плѣтухъ въ небо,—широкое и бородастое лицо его казалось лукавымъ и насмѣшливымъ.

Тронулись съ бугра и пошли тропинкой между ржаныхъ полей—теперь сырыхъ и пахучихъ свѣжей зеленою озими, короткой какъ травка, изъ которой правильными, длинными грядами подымались межники. Прошли озими, выгонъ за ними—стало ниже и сырѣе, и запахло болотомъ. А когда подошли къ лѣсу, то стало темно совсѣмъ—потухло золото въ небѣ, и синева его заблестала частыми звѣздами—яркими, живыми и молчаливыми.

Подъ ногами звучно захлюпала жидкая почва, протянулись тугіе корявые корни деревьевъ, раза два споткнулись, Мишка чуть не растянулся.

— Бѣсъ, ногу зашибъ, ходьба тоже! ворчалъ онъ, догоняя.

— Ужо погоди, шосе тебѣ проведутъ тутъ,—отозвался Иванъ Павловъ,—тогда ходить дюже легко будетъ!

Черезъ болото была пробита широкая просѣка и по ней настлано бревенчатое мостище, которое рабочіе звали гатью. Итти по нему было неловко, потому что гать проложили для подводъ, на которыхъ привозилась земля и камни, бревна осклизли и разболтались и часто подъ ногой неожиданно проваливались, всплеснувъ ржавой болотной водой.

Сырымъ и знобкимъ холодомъ тянуло съ болота, влажный тяжелый туманъ висѣлъ надъ водою, окутывалъ гать и медленно колыхался. Пахла загнившая стоячая вода, набухшій ею мохъ, мокрыя бревна гати, а еще откуда-то—близко и неуловимо лился запахъ фіалокъ. И еще чѣмъ-то пахло:

какъ будто грибами, хотя никакихъ грибовъ теперь не могло быть.

— Ишь курится чертово болотище!—сказаль Мишка, и голосъ его прозвучаль въ туманѣ, какъ въ тѣсномъ каменномъ мѣшкѣ—глухо и коротко.

— Ужо выберемъ на сущь—лучше будетъ,—не отвѣчая ему, а отвѣчая своимъ мыслямъ, замѣтиль Липатовъ,—покуда что—здѣсь кончимъ, въ боръ передвинемся... Тамъ сухо!

— Поработаешь и здѣсь, не откажешься,—вставиль Иванъ Павловъ и добавиль:—а быдто холодно тутъ, ай послѣ бани это?

Холодно по вечерамъ было всегда, потому что весна была ранняя, и болото только что отошло ото льда, ночи стояли сырыя, и люди мерзли въ плохо сколоченныхъ баракахъ, и въ словахъ Ивана Павлова была шутка. Но теперь никто не засмѣялся, потому что хотѣлось скорѣй въ баракъ, къ теплomu ужину.

— А ежели теперь туда,—проговориль Мишка и махнулъ рукой впередъ, гдѣ за насыпью верстъ на десять тянулось сплошное, непроходимое болото,—у-у-у-у!..

— Ай страшно? спросиль Иванъ Павловъ.

— Храни Богъ!

— Что жъ страшно то? Лѣшій съѣсть?

Мишка подошелъ къ нему, и въ бѣломъ туманѣ плотнымъ колеблющимся силуэтомъ качнулась его фигура. И видно было, что Мишка не знаетъ—вѣрить ему, что есть лѣшіе, или нѣтъ.

Липатовъ былъ человекъ грамотный и серьезный. Онъ былъ молодъ и былъ главнымъ работникомъ дома въ деревнѣ, гдѣ, уходя съ отцомъ на заработки, оставиль молодую жену. Отъ того, что онъ только въ эту зиму женился и не сгладилось въ немъ еще чувство большой и окончательной перемѣны въ жизни, когда онъ пересталь быть парнемъ, а сталъ мужикомъ—онъ былъ солиденъ и рассуждалъ, какъ старикъ: резонно и вѣско.

— Лѣшихъ нѣтъ,—сказаль онъ, тоже какъ будто самому себѣ, а не отвѣчая на слова Ивана Павлова,—и домовыхъ тоже нѣтъ... Все это выдумки!..

— Нѣтъ!—какъ будто обидѣлся Мишка,—сказаль тоже: нѣ-ѣ-ѣтъ...

Теперь онъ уже окончательно повѣриль, что всякая нечисть есть, потому что туманъ поднялся выше, засло-